

Татьяна Мисникевич

«Русские европейцы» в литературе, науке и культуре:

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_363

Азадовский К.М., Лавров А.В. Русские европейцы. Андрей Белый — Брюсов — Волошин — Зинаида Гиппиус — Гумилев.

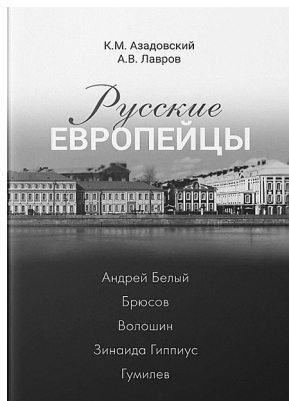
СПб.: Нестор-История, 2024. — 408 с. — 500 экз.

Имена Константина Марковича Азадовского и Александра Васильевича Лаврова, безусловно, не нуждаются в каком-либо представлении. В настоящей книге объединены статьи и публикации, совместно подготовленные учеными в 1970–1990-е годы. В предисловии авторы поясняют, в чем заключается общность их методологической позиции, послужившая залогом многолетнего плодотворного сотрудничества: «С самого начала своей деятельности — и совершенно независимо друг от друга — каждый из нас воспринимал историко-литературный процесс как живое развитие национальной культуры в контексте культуры мировой, как неисчерпаемый духовный континуум, насыщенный многообразными событиями и фактами, и видел свою задачу в том, чтобы выявить и представить на суд читателей свежий (как правило, архивный и ранее не исследованный) текстовый материал, позволяющий сделать новые выводы или увидеть давно знакомое в новом освещении» (с. 3).

Авторы книги отмечают также чрезвычайно значимую для них ориентацию на традиции филологической школы Петербургского университета, сохранившиеся и развивавшиеся, несмотря на все перипетии, постигшие ее на протяжении прошлого столетия. С любовью и благодарностью они пишут о той роли, которую сыграл в их научной судьбе Дмитрий Евгеньевич Максимов, учитель, старший товарищ и соавтор.

Материалы, представленные в данной книге, были ранее опубликованы в ведущих научных изданиях: «Литературном наследстве», журналах «Новое литературное обозрение» и «Русская литература» и ряде научных сборников; они несомненно, востребованы специалистами, занимающимися изучением Серебряного

века, однако объединение в одной книге придает им новое качество: они становятся главами монографии, имеющей продуманную структуру. Важнейшую задачу книги авторы видят в демонстрации на конкретных примерах связи русского модернизма с европейским. Эта связь, по их справедливому утверждению, — «важнейшая и до сих пор недостаточно изученная область русской культуры начала XX века, сформировавшейся, как и культура предшествующего столетия, на пересечении национальных запросов и западных влияний» (с. 6). Кроме того, К.М. Азадовский и А.В. Лавров проделали огромную работу по «обновлению» своих статей: в них внесены существенные дополнения, основанные на научных изысканиях последующих лет, и, что особенно важно, максимально учтены все работы, опубликованные по той или иной теме вплоть до последнего времени, даны ссылки на вышедшие собрания сочинений и научные издания текстов авторов Серебряного века.

Книгу открывает статья «Д.Е. Максимов — исследователь Брюсова». В ней не только представлены основные вехи научной биографии Д.Е. Максимова, но и дана яркая характеристика его личности, воплотившей в себе лучшие черты «русского европейца», осознававшего и реализующего в своих трудах глубинную связь русской и европейской мысли и культуры. И как ученый, и как человек Д.Е. Максимов прежде всего стремился оценить меру духовной ценности того или иного явления искусства. В сложные времена, когда символизм рассматривался как явление, чуждое текущим идеологическим установкам, он неизменно сохранял верность своим главным героям — поэтам Серебряного века. Подтверждением тому служат опубликованные в составе статьи многочисленные выдержки из писем Д.Е. Максимова к Иоанне Матвеевне Брюсовой; так 5 ноября 1937 года ученый отметил: «Разработка творчества Брюсова — для меня большое и личное дело, к которому я еще вернусь». В заключение К.М. Азадовский и А.В. Лавров приводят слова из предсмертного автобиографического очерка Д.Е. Максимова, свидетельствующие о его стремлении к бесконечному расширению охвата исследуемого материала: «Хотелось, чтобы в основе исследования лежало историческое понимание вещей — и не только “микроисторизм”, связь с малым, текущим временем, исторической “злостью дня”, но и “макроисторизм”, дух веков, тысячелетий, эр, дух наций в целом...» (с. 25–26).

Материалы архива Д.Е. Максимова легли в основу публикации, посвященной Анне Николаевне Энгельгардт, дочери писателя и историка русской литературы Николая Александровича Энгельгардта, второй жене Николая Гумилева. Во вступительной статье подчеркнуто, что Д.Е. Максимов осознавал важность деталей биографии и объективной характеристики личности Анны Энгельгардт, не оставившей сколько-нибудь заметного собственного следа в культуре, для создания научной биографии Гумилева, постижения обстоятельств последних лет его жизни. Авторы статьи достаточно подробно воспроизводят историю семьи Анны Энгельгардт, перипетии ее романа с Гумилевым, в частности на основании дневника О.Н. Гильдебрандт-Арбениной. В состав публикации вошли воспоминания брата Анны Энгельгардт Александра Николаевича Энгельгардта, друга юности Д.Е. Максимова, его письмо к Д.Е. Максиму, заметка Д.Е. Максимова «Несколько слов о Н.А. Энгельгардте и его дочери А.Н. Гумилевой», фрагменты воспоминаний Н.А. Энгельгардта, хранящихся в архиве Энгельгардтов в РГАЛИ, стихотворные произведения Николая Гумилева, переданные им Н.А. Энгельгардту, из собрания В.А. Десницкого в ИРЛИ.

Мемуарное наследие Д.Е. Максимова представлено очерком о Любови Дмитриевне Блок. Очерк не завершен и не был опубликован автором при жизни. Публикаторы так определяют специфику мемуарного наследия ученого: «Это были, собственно, не мемуары в общепринятом жанровом смысле слова, а скорее мемуарно-аналитические статьи, представлявшие собой синтез воспоминаний автора с более или менее развернутым толкованием личности...» (с. 87). Во вступительной статье К.М. Азадовский и А.В. Лавров делают акцент на том, что осмысление личности Любови Дмитриевны, ее роли в судьбе Блока представляет собой сложную проблему, в недостаточной степени решенную и в каком-то смысле обойденную на тот момент исследователями, и отмечают, что именно Д.Е. Максимов, лично знакомый с Л.Д. Блок, первым подошел к ней комплексно и объективно. Публикаторы останавливаются и на истории подготовки очерка, одним из предварительных этапов создания которого была публикация неотправленного письма Л.Д. Менделеевой к Блоку: в предисловии к ней Д.Е. Максимов изложил свое понимание личности Любови Дмитриевны и ее роли в биографии Блока как «заземляющего» элемента, а также высказывают свои предположения, по каким причинам ученый оставил свою работу незавершенной.

Героиня следующей главы книги — «декадентская мадонна» Зинаида Гиппиус. Эта глава подготовлена на основе вступительной статьи к одному из первых на-

учных изданий ее творческого наследия после долгих лет забвения¹. Авторы озаглавили статью «З.Н. Гиппиус: метафизика, личность, творчество» и комплексно и многопланово решили задачу освещения роли Гиппиус в культуре Серебряного века, приблизив ее по своему содержанию к «маленькой монографии». Ее положения и на сегодняшний день остаются актуальными и используются при подготовке работ, посвященных писательнице.

Вступительная статья к публикации переписки Валерия Брюсова с Максимилианом Волошиным² вошла в книгу под названием «Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин: французский контур русского символизма». Тем самым авторы сделали акцент на том, что эта переписка, в первую очередь подробно отражающая историю личных отношений литераторов, дает возможность оценить роль, которую сыграла французская литературно-художественная культура в их творческом становлении, а также документирует деятельность Брюсова и Волошина как популяризаторов ее в России. К.М. Азадовский и А.В. Лавров прослеживают эволюцию отношения Волошина к «новому» искусству, обусловленную прежде всего его пребыванием в Париже и знакомством со многими деятелями французской культуры, а также с К.Д. Бальмонтом, благодаря которому Волошин вошел в круг русских символистов. Подробно рассмотрен и отразившийся в переписке с Брюсовым сюжет сотрудничества Волошина с журналом «Весы» в качестве его парижского корреспондента, ставшего «посредником» между московскими и парижскими поэтами-символистами. Анализ эпистолярного диалога Брюсова и Волошина дал возможность ученым сделать заключения о дальновидной тактике Брюсова — редактора «Весов» и соответствии материалов, предоставляемых Волошиным, его требованиям, предполагавшим «сочетание информативной, содержательной стороны с “боевой”, полемической, пропагандистской направленностью, свежестью восприятия, свободой от шаблонов» (с. 217). Еще один важный сюжет, выявленный в переписке, — многолетняя работа Брюсова и Волошина по переводу произведений Верхарна на русский язык. Данный материал дал повод для подробного анализа различия переводческих принципов Брюсова и Волошина, а также их интерпретации творчества Верхарна, приведшего к многолетней дискуссии. В статье проанализированы и взаимные оценки поэтами их творческих достижений.

Далее авторы книги закономерно перешли от сюжета, связанного с журналом «Весы», к журналу «Аполлон», который, как и «Весы», «настойчиво декларировал свою приверженность к лучшим образцам европейского искусства, в первую очередь модернизма, и считал своей прямой обязанностью знакомить русских читателей с новейшими веяниями в литературе, живописи, музыке и театре Запада» (с. 262–263). Отмечено, что в «Аполлоне» европейскому материалу отводилась чрезвычайно важная роль, к участию в журнале были привлечены иностранные обозреватели, критики, писатели, художники, планировались тематические номера, посвященные той или иной европейской культуре (в итоге сформирован был только «французский» номер — № 6 за 1910 год). Однако «немецкий» номер, как далее показано в статье, имел вполне реальные перспективы воплощения. Активное участие в данном проекте принимали И. фон Гюнтер, Осип Дымов и А.С. Элиасберг, помогавшие редакции «Аполлона» в установлении контактов с немецкими и австрийскими литераторами; в статье представлены материалы их переписки,

1 См.: *Гиппиус З.Н.* Сочинения: Стихотворения. Проза. Л.: Художественная литература, 1991. С. 3–44.

2 См.: Переписка [В.Я. Брюсова] с М.А. Волошиным (1903–1917) / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 251–399. (Литературное наследство. Т. 98).

позволяющие очертить возможный круг авторов и содержание «немецкого» выпуска. В качестве приложения к статье представлен именной указатель немецкоязычных авторов, названных в перечнях немецких корреспондентов «Аполлона» в 1909–1910 годах, а также имена немецких или немецкоязычных писателей, критиков, искусствоведов, упомянутых в тексте самой статьи.

Следующий блок материалов связан с именем Андрея Белого. В его построении прослеживается определенная логика. С одной стороны, это хронология подготовки материалов авторами книги, с другой — их содержание: от биографических сюжетов они переходят к обобщающим рассуждениям о восприятии Белым немецкой культуры.

В статье, посвященной выступлению Андрея Белого с речью, обращенной к Томасу Манну в берлинском Доме Искусств, показано, как в 1921–1922 годах развивается интерес выдающегося немецкого писателя к русской литературе и культуре в целом (публикации статей, выступления с докладами, контакты с русскими писателями), описана роль Берлина как одного из главных центров русской культурной жизни в Европе и, в частности, деятельность берлинского Дома Искусств, в Совет которого входил и Андрей Белый. Одним из общественных начинаний Дома Искусств, в котором Белый принял активное участие, была организация помощи голодающему населению России. В статье полностью приведен переведенный на русский язык текст благодарственной речи Белого Томасу Манну, выступившему с докладом в пользу петроградского Дома Искусств.

Текст автобиографии Белого, подготовленный им для комиссии «Научные учреждения и научные работники СССР» при Академии наук СССР, предваряет вступительная заметка, в которой описан опыт подготовки писателем автобиографий для различных изданий и указаны причины, по которым Белый в автобиографии 1929 года выдвинул на первый план «научные» аспекты своего становления: «Краткая сводка автобиографических данных, выдержанных, главным образом, в свете научных интересов Белого и помещенных к тому же в справочке Академии наук, могла служить (так, по крайней мере, казалось писателю) своего рода “прикрытием” в случае новых гонений или нападков на него в официальной советской печати» (с. 320). Публикаторы отмечают также честность позиции Белого, не умолчавшего о своем участии в строительстве антропософского храма «Гётеанум» в Дорнахе и в Русском антропософском обществе, которое было ликвидировано в 1923 году, а его члены подвергнуты репрессиям.

Далее представлен текст неопубликованной при жизни Белого статьи 1916 года «Русская литература в Германии», написанной во время Первой мировой войны в ряду корреспонденций, которые Белый, находящийся в то время в Швейцарии и участвовавший в строительстве антропософского центра, пересылал в газету «Биржевые ведомости». К.М. Азадовский и А.В. Лавров поясняют особенности позиции Белого как последовательного приверженца антропософского учения Рудольфа Штейнера и отмечают, что одна из важных проблем, к которой Белый обратился в «швейцарском» газетном цикле, — проблема восприятия европейцами русской культуры и русского национального самосознания.

Книгу завершает глава «“Страна гениев” (Германия глазами Андрея Белого)». Это важнейшее исследование, представляющее в полном объеме духовную эволюцию Андрея Белого в свете влияния немецкой культуры, впервые публикуется на русском языке³. Воздействие «германского гения» прослеживается с детских и юно-

3 Первая публикация: «Das Land der Genies» — Deutschland, gesehen von Andrej Belyj // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von L. Kopelew. Weitergeführt von K. Eimer-

шеских лет писателя, описывается переход от «юношеского шопенгауэрианства» к увлечению Ницше и далее новый этап, увлечение Кантом и неокантианством, начавшийся в 1902–1903 годах и связанный со сближением Белого с Эмилием Метнером, а также знакомство в середине 1900-х годов, во время нарастания революционной ситуации, с трудами представителей немецкой социал-демократии. Подробно описаны и его маршруты по Германии и Швейцарии: поездка осенью 1906 года в Мюнхен после переживания драматических коллизий отношений с Л.Д. Блок, полученные там яркие художественные впечатления (работы Дюрера, Кранаха, Грюневальда, немецких сецессионистов), знакомство с литераторами, артистами и художниками в артистическом кабачке *Simplicissimus*, поездки вслед за Рудольфом Штейнером по Германии и Швейцарии, знакомство с Кристианом Моргенштерном в 1914 году в Лейпциге, сыгравшее важную роль в духовной жизни Белого, пребывание в Берлине в 1921–1923 годах. К.М. Азадовский и А.В. Лавров прослеживают и отражение впечатлений Белого от поездок по Германии в связи с его осмыслением темы «Россия — Запад» (в романах «Серебряный голубь», «Петербург»). Особенно подробно проанализировано увлечение Белого антропософией Штейнера и его личностью, получившее отражение в мемуарных, прозаических и поэтических сочинениях писателя. Авторы статьи приходят к выводу, что запросам представителей русского «нового религиозного сознания» Штейнер, бесспорно, отвечал многими сторонами своей реформаторской деятельности. Он умел придать очертания мистическому чувству и смутным религиозным упованиям, наполнить их содержанием и искомым «смыслом», утолить духовную жажду «пути» (с. 376). Кроме того, К.М. Азадовский и А.В. Лавров анализируют причины кризиса отношений Белого со Штейнером, проявившегося во время его поездки в Германию в 1921–1923 годах, и переходят к участию Белого в этот период в литературной и общественной жизни Берлина, его общественным выступлениям, в первую очередь приветствиям Томасу Манну и Герхарту Гауптману. Завершается глава рассуждениями о причинах нарастания у Белого негативного восприятия Берлина и Германии в целом, получившего выражение в книге «Одна из обитателей царства теней» (1924), отмечено, что критика Белого обусловлена не «данью» советским идеологическим установкам, а его внутренним ощущением: писатель «сумел довольно точно подметить изменение всего стиля и качества европейской жизни после катастроф и катаклизмов 1914–1919 гг.; в нем росло предчувствие, что воспринятые им со всей остротой пугающие приметы нового Запада чреватые в дальнейшем опасным, гибельным развитием» (с. 385). Последним обращением к теме Германии стал для Белого неосуществленный замысел романа «Германия», в котором автор планировал показать как «классическую», так и современную Германию.

В заключение хочется отметить удачное оформление книги: на первой странице обложки мы видим часть Университетской набережной Санкт-Петербурга — здание филологического факультета Санкт-Петербургского университета — *alma mater* авторов и здание Двенадцати коллегий — одного из символов европейски ориентированных реформ эпохи Петра I, на второй странице — фотопортреты К.М. Азадовского и А.В. Лаврова, ученых, воплотивших в своей деятельности и творчестве преемственность по отношению к лучшим традициям русской и европейской науки.

macher. Aus dem Russischen von Holger Siegel. Reihe B. Bd. 4. München, 2006. S. 753–791. То же в кн.: *Asadowski K.* Russisch-deutsche Verflechtungen. Ausgewählte Beiträge zur Literatur- und Kulturgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts / Hrsg. von F. Poljakov und N. Bakshi. [Paderborn:] Brill Fink, 2022. S. 151–191. Рецензию на книгу и, в частности, анализ данной главы см.: *Дмитриева Е.Е.* Русско-немецкое зазеркалье в интерпретации К.М. Азадовского // *Русская литература.* 2023. № 2. С. 271–277.